
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

УДК 316.7

10.17213/2075-2067-2020-4-5-13

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ: МНОГООБРАЗИЕ МНЕНИЙ И ПОДХОДОВ¹

© 2020 г. К. В. Воденко

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, г. Новочеркасск, Россия*

Цель исследования заключается концептуализации дефиниции «историческая память» в социально-гуманитарном дискурсе современности.

Методологической основой исследования выступает трансдисциплинарный социально-философский подход к исследованию явления современной реальности.

Результаты исследования. Историческая память как способ сохранения, воспроизводства и трансляции прошлого коллективного опыта людей, несущий в себе рациональные, эмоциональные и символические составляющие, может быть основой интеграции и консолидации российского общества. Регулятивный потенциал исторической памяти позволяет заявить о ее влиянии на институциональное пространство региона и о ее роли в социально-инвестиционном развитии общества.

Перспективы исследования. Работа открывает перспективы для дальнейшего исследования политики памяти, в частности, ее влияния на формирование и развитие социально-инвестиционной модели регионального развития и системы культурной безопасности региона. Дальнейшие исследования разворачиваются в рамках реализации гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых — докторов наук (МД-1493.2020.6) на тему «Ресурс исторической памяти в системе институциональных параметров социально-инвестиционного развития и обеспечения культурной безопасности региона».

Ключевые слова: историческая память; коллективная память; социальная память; культурная память; политика памяти.

HISTORICAL MEMORY IN SOCIAL AND HUMANITARIAN DISCOURSE: DIVERSITY OF OPINIONS AND APPROACHES

© 2020 K. V. Vodenko

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

The purpose of the research is to conceptualize the definition of «historical memory» in the social and humanitarian discourse of modernity.

---

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых — докторов наук (МД-1493.2020.6) на тему «Ресурс исторической памяти в системе институциональных параметров социально-инвестиционного развития и обеспечения культурной безопасности региона».

The methodological basis of the research is a transdisciplinary socio-philosophical approach to the study of the phenomenon of modern reality.

Research result. Historical memory as a way of preserving, reproducing and translating the past collective experience of people, which carries rational, emotional and symbolic components, can be the basis for the integration and consolidation of Russian society. The regulatory potential of historical memory allows us to state its influence on the institutional space of the region and its role in the social and investment development of society.

Prospects of the study. This work opens up prospects for further research of memory policy, in particular, its impact on the formation and development of the socio-investment model of regional development and the system of cultural security in the region. Further research is being developed as part of the implementation of a grant from the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists-doctors of science (MD-1493.2020.6) on the topic «Resource of historical memory in the system of institutional parameters of social and investment development and ensuring cultural security of the region».

Key words: historical memory; collective memory; social memory; cultural memory; memory policy.

Введение. В конце XX века в современном мире произошли глубинные социальные трансформации, связанные с процессом глобализации, целью которого является культурная гомогенизация общества на основе ценностей западной цивилизации. Одним из последствий этого процесса выступает разрушение базовых культурных ценностей народов, которое осуществляется путем перереформатирования их исторической памяти, фальсификации событий прошлого, их новой интерпретации, что ведет к формированию картины мира, выгодной определенным геополитическим силам, претендующим на доминирование в мировой системе.

В то же время, несмотря на тенденции культурной унификации, в мире идут противоположные процессы, направленные на возрождение национальных культур, сохранение традиционных ценностей народов, которые формировались в ходе их длительного культурно-исторического развития. Сегодня мы являемся свидетелями роста этнического самосознания во многих регионах мира, возрождения религиозной идентичности, интереса людей к своим корням, истокам своей культуры. Все это свидетельствует о значимости исторической памяти в социальных процессах современного мира.

Такие серьезные изменения оказывают существенное влияние на содержание научных знаний об обществе, а также ставят воп-

рос о пересмотре классической методологии социальных наук, опирающейся преимущественно на линейную модель исследования социальных процессов и не учитывающей сложности современного этапа развития мирового сообщества. Осознание этого стимулировало развитие новых подходов в понимании закономерностей общественного развития, ориентированных на учет культурно-исторических особенностей, и их влияния на вектор развития экономических, политических и духовных институтов социума.

В научной литературе понятие «историческая память» характеризуется многозначностью. Наряду с этим понятием исследователи используют такие понятия, как «коллективная память», «социальная память», «культурная память», что свидетельствует о том, что в науке еще не выработано единого подхода и не установлены понятийные границы.

Коллективная память, социальная память и культурная память. Несмотря на то, что коллективные представления о прошлом стали предметом исследований еще в середине XX века, данная проблематика находилась на периферии научных интересов ученых. Только в начале XXI века эта тематика перешла в разряд наиболее актуальных проблем социального знания. В основном историческая память исследуется в рамках анализа коллективной (социальной) памяти.

Понятие коллективной памяти присутствует в работах Э. Дюркгейма [1] и М. Хальбвакса [2]. По мнению ученых, коллективная память — это совокупность представлений о прошлом, которые обеспечивают целостность группы в потоке времени. посредством коллективной памяти осуществляется воспроизводство и передача групповых интересов и ценностей следующим поколениям. Коллективная память содержит опорные воспоминания группы, опираясь на которые, человек ориентируется в сложном социальном мире.

В рамках этой концепции субъектом памяти выступает коллектив, поскольку память всегда социальна, так как базируется на языковых конструкциях, которые создаются обществом.

Несколько в ином аспекте коллективная память рассматривается в концепции Я. Ассмана, который утверждал, что «коллективы не обладают памятью, они лишь определяют память своих членов» [3, с. 34]. Память, по мнению ученого, складывается в процессе коммуникации и социализации индивидов, но для каждого она индивидуальна в силу своей уникальности, обусловленной комбинацией определенных воспоминаний. В то же время Я. Ассман говорит о социальной природе памяти, подчеркивая зависимость ее содержания от культурного контекста, который вносит свои установки в представления о прошлом. В силу этого коллективная память определяется духовными запросами общества и условиями настоящего момента: «прошлое не вырастает естественным путем, оно является продуктом культурного творчества» [3, с. 39].

К проблеме коллективной памяти обращается английский исследователь Д. Тош [4], который считает, что этот тип памяти является надбиологическим конструктом, позволяющим хранить опыт предшествующих поколений, а также способом идентификации индивида и общества. По сути, ученый считает коллективную память социально сконструированным взглядом на прошлое. В рамках этого подхода коллективная память представляет собой одну из форм исторического сознания.

Функциональный подход к коллективной памяти представлен в теории французского ученого П. Нора [5]. Он ввел в дискурс об исторической памяти понятие «места памяти», которое отражает опорные воспоминания лю-

дей, посредством которых создается каркас коллективной памяти. В концепции П. Нора «места памяти» представляют собой отфильтрованные сознанием воспоминания, которым наделяются символическим значением. Кроме того, «места памяти» выполняют ряд функций: ориентирующую, идентификационную, конституирующую. Данные функции позволяют организовывать социальное пространство на основе общего понимания прошлого. В этом аспекте важным выступает не само прошлое, а его репрезентация в настоящем, не исторические факты, а образы исторических событий и их значимость для сегодняшнего момента.

Наряду с понятием коллективной памяти в научном дискурсе применяется понятие социальной памяти, рассматриваемое исследователями преимущественно как «составная часть массового сознания, которая характеризуется способностью концентрированно отражать значимую и актуальную информацию о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим. Этот уровень часто представлен социальными стереотипами о прошлом» [6, с. 39–40].

В то же время социальная память не только обеспечивает набор категорий, посредством которых члены группы неосознанно ориентируются в своем социальном пространстве, но и выступает источником знаний, дающим материал для рефлексии и интерпретации транслируемых образов прошлого как в повседневной жизни, так и в научном знании.

В научных исследованиях нередко используется термин «культурная память». Наиболее разработанная концепция культурной памяти представлена в работах Я. Ассмана [3], Ю. Лотмана [7], О.Г. Эксле [8] и др. В исследованиях Ю. Лотмана культурная память, в отличие от исторической, представляет собой коллективные воспоминания не общества в целом, а таких его социальных конструктов, как нации, этносы, которые имеют свою сложную символическую систему, определяющую специфику их культуры. С точки зрения семиотического подхода, содержание памяти определяется исключительно пространством культуры [7].

В теории Я. Ассмана культурная память рассматривается как особая символическая форма передачи и актуализации культурных смыслов, благодаря которой осуществляется реконструкция прошлого, лежащая в ос-

нове сохранения идентичности сообщества. В данном аспекте культурная память несет в себе только те представления о прошлом, которые являются актуальными для настоящего момента в жизни общности [3].

Историческая память в отечественном научном дискурсе. В российском научном дискурсе к анализу исторической памяти обращаются такие авторы, как В.Н. Бадмаев [9], О.О. Дмитриева [10], О.Б. Леонтьева [11], Е.А. Протасеня [12], Л.П. Репина [13] и др. Рассматривая отношения памяти и истории как науки, исследователи под исторической памятью понимают «устойчивую систему представлений о прошлом, бытующих в общественном сознании, которой свойственна не столько рациональная, сколько эмоциональная оценка прошлого» [14, с. 79]. В отличие от истории как сферы научного знания, историческая память имеет избирательный характер, благодаря которому в ней одни события прошлого сохраняются, а другие предаются забвению.

Исследователи обращают внимание на то, что память представляет собой сложную систему взаимосвязанных между собой элементов. Это дает основание для выделения ее основных форм. Согласно подходу Л.П. Репиной, «историческая память находит свое выражение в различных формах репрезентации исторического прошлого: это — эпос (первоначальный звуковой способ передачи исторической памяти) и хроника (изначально письменный способ ее фиксации)» [13, с. 435].

Некоторые ученые полагают, что в основе исторической памяти лежат образы прошлого, причем эти образы могут быть различны по своей природе, то есть носить как системный, так и хаотический характер. Исследователи отмечают, что «образ события или исторической личности, как правило, базируется на комплексе несистематичных воспоминаний. С течением времени, когда пережитые события превращаются в историю, когда остается все меньше современников, образ все более трансформируется и видоизменяется, все более отдаляется от исторической действительности. Так комплекс образов прошлого формирует историческую память» [10, с. 21]. Можно согласиться с тем, что образ того или иного исторического события обретает символический характер и сакральный смысл

для жизни людей, формируя тем самым определенную схему в понимании прошлого.

Очевидно, что образы прошлого подвергаются фильтрации, в ходе которой какие-то события актуализируются, а другие подвергаются забвению. Понимание этого заставляет ученых обращаться к исследованию механизма формирования исторической памяти.

Роль исторической памяти в политических процессах. Исследованию роли исторической памяти в политических процессах общества посвящены работы А.Ю. Бубнова [14], Т.А. Булыгиной [15], А.И. Миллера [16], Н.И. Шестова [17] и др. По мнению авторов, историческая память является неотъемлемой частью политического публичного пространства, поскольку нередко борьба за власть сопровождается борьбой различных интерпретаций прошлого. Различные политические силы, опирающиеся на частные или коллективные интересы, нередко апеллируют к событиям прошлого, интерпретируя их в нужном для них аспекте для обоснования своей позиции и формирования общественного сознания.

По мнению специалистов, представление общества о своем прошлом является неотъемлемой составляющей политической борьбы в силу того, что «граница между историей и памятью зачастую бывает размытой, поскольку группы пытаются присвоить историю (объективные события из прошлого), чтобы создать воспоминания (субъективные нарративы о прошлом, которые подтверждают необходимые интерпретации настоящего)» [18, с. 27].

Понимание возможностей управления исторической памятью народов способствовало появлению в научном дискурсе таких понятий, как «историческая политика» и «политика памяти». Анализу данных понятий посвящены работы Д.А. Аникина [19], А. Дюкова [20], А.А. Линченко [21], А.Ю. Малиновой [22], А.И. Миллера [23] и др. По мнению исследователей, понятия «историческая политика» и «политика памяти» не являются тождественными.

Впервые термин «историческая политика» был введен польскими историками для обозначения масштабного использования истории в политических целях, которое активно началось с конца XX — начала XXI века

в Восточной Европе [24, 25]. По сути, данный термин был введен для обозначения процессов политизации истории в странах постсоветского пространства, перед которыми стояла задача по формированию своей национальной идентичности.

Надо отметить, что именно распад СССР создал благодатную среду для исторического ревизионизма в новых независимых государствах, в рамках которого стали появляться версии истории, отражающие в текущий момент интересы политической власти: «это нашло отражение в формировании специальных институций для внедрения «правильной» версии истории, в акцентировании государственными СМИ одних эпизодов национального прошлого и замалчивании других, в подготовке «исторических законов», написании новых школьных учебников и т.п.» [26].

По мнению отечественных авторов, историческая политика есть инструмент политической борьбы, в ходе которой используется такие приемы, как «...замалчивание неудобных фактов, сознательная подтасовка интерпретации исторических событий» [20]. Поскольку политизация истории является неизбежным спутником формирования национальной идентичности государства, исследователи определяют историческую политику как «набор практик, с помощью которых отдельные политические силы стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие» [27, с. 15].

По мнению российских исследователей, историческая память отличается от политики памяти тем, что последняя не является фальсификацией истории, она, прежде всего, связана с отбором значимых исторических событий, поиском наиболее приемлемой их интерпретации для консолидации общества на основе общезначимого понимания своего прошлого [28].

Политика памяти, как утверждает Д. А. Аникин, «представляет собой целенаправленную деятельность по репрезентации определенного образа прошлого, востребованного в современном политическом контексте, посредством различных вербальных (речи политиков, учебники истории) и визуальных (памятники, государственная символика) практик» [19, с. 36]. В этом аспекте политика памяти представляет собой направ-

ление деятельности государства, целью которого является создание такого образа прошлого, который интегрирует людей в общее культурно-политическое пространство, создавая основу для формирования национальной идентичности страны.

Некоторые исследователи полагают, что историческая политика и политика памяти являются частными инструментами символической политики государства. Последняя представляет собой специфический род политической коммуникации, «нацеленной не на рациональное осмысление, а на внушение устойчивых смыслов посредством инсценирования визуальных эффектов» [29, с. 63].

По мнению О. Ю. Малиновой, символическая политика государства осуществляется исключительно в публичной сфере, где транслируются различные интерпретации социальной реальности [22]. В этом смысле политика памяти выступает инструментом трансформации символического пространства социума.

Понимание возможностей политики памяти в конструировании социальной реальности заставляет исследователей обратиться к анализу тех систем, посредством которых она осуществляется. Ученые выделяют следующие подсистемы политики памяти: институциональная, нормативная, функциональная, коммуникативная, культурно-идеологическая.

Институциональная подсистема включает в себя политические партии, общественно-политические организации, которые формируют политику памяти, отбирая для трансляции в массы определенные исторические сюжеты.

Нормативная подсистема представляет собой набор определенных законодательных актов, посредством которых регламентируются отношения к тем «историческим событиям и трактовкам, которые считаются основополагающими для политической системы» [30, с. 97].

Функциональная подсистема ориентирована на использование образов прошлого для стабилизации общества и его политической системы. Политика памяти выполняет функцию по сохранению и передаче исторического опыта молодым поколениям, то есть воспроизводству в обществе межпоколенных связей.

Коммуникативная подсистема включает целый комплекс средств трансляции политики памяти на общество, которые применяются в процессах социализации личности. Речь

идет об институтах образования и науки, кинематографии, СМИ, Интернет-ресурсах, посредством которых осуществляется популяризация исторических событий, значимых для данного общества.

Культурно-идеологическая подсистема представляет собой «совокупность различных по своему содержанию политических идей, комплекс типичных для конкретного общества политических ориентаций, установок, ценностей и моделей политического поведения, оказывающих воздействие на отбор и интерпретацию событий прошлого» [30, с. 29].

Выделенные подсистемы являются формами реализации политики памяти в обществе, с помощью которых символическое пространство социума может трансформироваться в соответствии с интересами государства, поэтому можно говорить о том, что политика памяти является важнейшим ресурсом государства по социальной стабилизации и обеспечению духовной безопасности общества.

Вышеизложенное позволяет заключить, что историческая память включена в систему политического сознания, которое имплицитно содержит в себе образы прошлого, а также критерии оценки настоящего и будущего. В этом плане историческая память является неотъемлемым компонентом современных политических процессов.

Заключение. Анализ научных источников, посвященных исследуемой проблеме, позволяет сделать вывод: в научном дискурсе сложилось понимание того, что историческая память — это сложная система, охватывающая все сферы социальной жизни (культурную, политическую, экономическую).

В настоящее время в научной литературе формируется комплексный подход к пониманию исторической памяти, в рамках которого она рассматривается как «способ сохранения, передачи исторической информации, как совокупность представлений о социальном прошлом, которые существуют в обществе как на массовом, так и на индивидуальном уровне, включая их когнитивный, образный и эмоциональный аспекты» [12, с. 177]. Несмотря на это, понятие «историческая память» еще не обрело точных границ, что позволяет ученым наряду с этим понятием использовать термины «культурная память»,

«коллективная память» и пр. По сути, все эти понятия описывают процесс сохранения, воспроизводства и трансляции прошлого коллективного опыта людей, несущего в себе рациональные, эмоциональные и символические составляющие, влияющие на общественное сознание и формы социального поведения.

Именно поэтому важно использовать возможности исторической памяти в интеграции российского общества. Очевидно, что ее потенциал для консолидации общества достаточно высок, поскольку она «выступает своеобразным «хранилищем» национальной идентичности. Она содержит знание о судьбоносных событиях, об исторических битвах, о героях исторических событий, о жизни и творческой деятельности выдающихся деятелей науки, техники, культуры, искусства, военного дела, государственных деятелей и политиков» [6, с. 37]. Знания и позитивные воспоминания о совместном жизненном пути людей и его трансляция молодому поколению может способствовать преодолению нынешнего культурного и межпоколенческого раскола, сложившегося в российском обществе. В этом плане нормативно-ценностное содержание исторической памяти является мощным регулятором общественного сознания людей, что позволяет обратиться к исследованию ее влияния на институциональное пространство региона и роли в его социально-инвестиционном развитии.

Литература

1. Дюркгейм Э. Социология: ее метод предмет, предназначение. Работы разных лет. — М.: Канон, 1995.
2. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. — 2005. — №2-3 (40/41). — С. 8–27.
3. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.
4. Том Д. Стремление к истине. — М.: Изд-во «Весь мир», 2000. — 294 с.
5. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. — 2005. — №40-41 (2-3). — С. 66–75.
6. Романова К. С. Дискурсы исторической памяти // Научный журнал «Дискурс-Пи». — 2016. — №3-4 (24-25). — С. 39–40.

7. *Лотман Ю. М.* Семиосфера. — СПб: Искусство-СПб, 2000. — 704 с.
8. *Эксле О. Г.* Культурная память под воздействием историзма // *Одиссей. Человек в истории* 2001. — М.: Наука, 2001. — С. 176–198.
9. *Бадмаев В. Н.* Ментальность и историческая память // *Вестник Калмыцкого университета*. — 2012. — Вып. 1 (13). — С. 78–84.
10. *Дмитриева О. О.* Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций // *Вестник Челябинского государственного университета. История*. Вып. 63. — 2015. — №6 (361). — С. 132–137.
11. *Леонтьева О. Б.* Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX — начала XX в. — Самара: Книга, 2011. — 447 с.
12. *Протасеня Е. А.* Историческая память как фактор формирования этнической идентичности // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. — 2016. — №2 (42). — С. 175–180.
13. *Ретина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. — М.: Кругъ, 2011. — 560 с.
14. *Бубнов А. Ю.* Историческая политика и борьба интерпретаций коллективного прошлого в публичной сфере // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. — 2017. — №4. — С. 3–12.
15. *Булыгина Т. А., Кожемяко Т. Н.* Историческая память и юбилеи в России в XX–XXI вв. // *История и историческая память*. Вып. 6 / Под ред. А. В. Гладышева, Т. А. Булыгиной. — Саратов; Ставрополь: Саратовск. гос. ун-т; СКФУ, 2012. — С. 63–76.
16. *Миллер А. И.* Россия: власть и история // *Pro et contra*. — 2009. — №3–4 (13). — С. 6–23.
17. *Шестов Н. И.* Память историческая и память политическая: структура политико-мифологических связей // *История и историческая память*. — 2010. — №1. — С. 20–30.
18. *Гигаури Д. И., Гуторов В. А.* Политический миф в структуре исторической памяти // *Вестник Московского университета. Сер. Политические науки*. — 2017. — №2. — С. 24–45.
19. *Аникин Д. А.* Стратегии политики памяти на постимперском пространстве // *Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. Вып. 2. — 2012. — Т. 12. — С. 34–38.
20. *Дюков А.* Ни одно общество в мире не может обойтись без своей политики памяти [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.liberty.ru/Themes/Aleksandr-Dyukov-Ni-odno-obschestvo-vmirene-mozhet-obojtis-bez-svoej-politiki-pamyati>. (Дата обращения: 30.08.2020 г.).
21. *Линченко А. А.* Политика памяти как фактор социальных трансформаций // *Studia Humanitatis*. — 2016. — №4. — С. 24.
22. *Малинова О. Ю.* Политика памяти как область символической политики // *Методологические вопросы изучения политики памяти / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В.* — М.: СПб: Нестор-История, 2018. — 224 с.
23. *Миллер А. И.* История империи и политика памяти // *Наследие империй и будущее России*. / под ред. А. И. Миллера. — М.: Либеральная империя, 2008. — С. 25–58.
24. *Art D.* The politics of the Nazi past in Germany and Austria. — Cambridge University Press, 2005.
25. *Connerton P.* The spirit of mourning: history, memory and the body. — Cambridge University Press, 2011.
26. *Миллер А.* Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // *Историческая политика в XXI веке*. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — С. 7–32.
27. *Vodenko K. V., Chernykh S. S., Ustimenko D. L., Ustimenko A. L.* Politics of Memory as a Tool of Civic Culture Formation: The Russian Specifics and Regional Aspects // *Journal of History Culture and Art Research*. — 2020. — Vol. 9 (2). — Pp. 175–183.
28. *Пономарева А. М.* Историческая память и историческая политика // *Российская история*. — 2018. — №5. — С. 6–14.
29. *Поцелуев С. П.* Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // *Политические исследования*. — 1999. — №5. — С. 62.
30. *Линченко А. А., Аникин Д. А.* Массовое историческое сознание и государственная политика памяти в Российской Федерации: актуальность мифологии? // *Вестник Тверского университета. Серия: Философия*. — 2015. — №4. — С. 95–106.

References

1. *Djurkgejm Je.* Sociologija: ee metod predmet, prednaznachenie. Raboty raznyh let [Sociology: its method subject, purpose. Works of different years]. — Moscow: Kanon, 1995.

2. *Hal'bvaks M.* Kollektivnaja i istoricheskaja pamjat' [Collective and historical memory] // Neprikosnovennyj zapas [Inviolable reserve]. — 2005. — №2-3 (40/41). — Pp. 8–27.

3. *Assman Ja.* Kul'turnaja pamjat'. Pis'mo, pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti [Cultural memory. Writing, memory of the past and political identity in high cultures of antiquity]. — Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. — 368 p.

4. *Tosh D.* Stremlenie k istine [Striving for truth]. — Moscow: Izd-vo «Ves' mir», 2000. — 294 p.

5. *Nora P.* Vsemirnoe torzhestvo pamjati [World celebration of memory] // Neprikosnovennyj zapas [Inviolable reserve]. — 2005. — №40-41 (2-3). — Pp. 66–75.

6. *Romanova K. S.* Diskursy istoricheskoi pamjati [Discourses of historical memory] // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi» [Scientific journal «Discourse-PI»]. — 2016. — №3-4 (24-25). — Pp. 39–40.

7. *Lotman Ju. M.* Semiosfera [Semiosphere]. — Saint-Petersburg: Iskustvo-SPb, 2000. — 704 p.

8. *Jeksle O. G.* Kul'turnaja pamjat' pod vozdejstviem istorizma [Cultural memory under the influence of historicism] // Odissej. Chelovek v istorii 2001 [Odysseus. Man in history 2001]. — Moscow: Nauka, 2001. — Pp. 176–198.

9. *Badmaev V. N.* Mental'nost' i istoricheskaja pamjat' [Mentality and historical memory] // Vestnik Kalmyckogo universiteta [Bulletin of the Kalmyk University]. — 2012. — Issue 1 (13). — Pp. 78–84.

10. *Dmitrieva O. O.* Istoricheskaja pamjat' i mehanizmy ee formirovanija: analiz istoriograficheskikh koncepcij [Historical memory and mechanisms of its formation: analysis of historiographical concepts] // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. [Bulletin of Chelyabinsk State University. History]. Issue 63. — 2015. — №6 (361). — Pp. 132–137.

11. *Leont'eva O. B.* Istoricheskaja pamjat' i obrazy proshlogo v rossijskoj kul'ture XIX — nachala XX v. [Historical memory and images of the past in Russian culture of the XIX — early XX century]. — Samara: Kniga, 2011. — 447 p.

12. *Protasjenja E. A.* Istoricheskaja pamjat' kak faktor formirovanija jetniceskoj identichnosti [Historical memory as a factor in the formation of ethnic identity] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Serija:

Social'nye nauki [Bulletin of the Lobachevsky Nizhny Novgorod University. Series: Social Sciences]. — 2016. — №2 (42). — Pp. 175–180.

13. *Repina L. P.* Istoricheskaja nauka na rubezhe XX–XXI vv. [Historical science at the turn of the XX–XXI centuries]. — Moscow: Krug, 2011. — 560 p.

14. *Bubnov A. Ju.* Istoricheskaja politika i bor'ba interpretacij kollektivnogo proshlogo v publichnoj sfere [Historical policy and struggle of interpretations of the collective past in the public sphere] // Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki [News of Tula State University. Humanities]. — 2017. — №4. — Pp. 3–12.

15. *Bulygina T. A., Kozhemjako T. N.* Istoricheskaja pamjat' i jubilei v Rossii v XX–XXI vv. [Historical memory and anniversaries in Russia in the XX–XXI centuries] // Istorija i istoricheskaja pamjat' [History and historical memory]. Issue 6 / In A. V. Gladyshev, T. A. Bulygina (ed.). — Saratov; Stavropol': Saratovsk. gos. un-t; SKFU, 2012. — Pp. 63–76.

16. *Miller A. I.* Rossija: vlast' i istorija [Russia: power and history] // Pro et contra. — 2009. — №3-4 (13). — Pp. 6–23.

17. *Shestov N. I.* Pamjat' istoricheskaja i pamjat' politicheskaja: struktura politiko-mifologicheskikh svjazej [Historical memory and political memory: the structure of political and mythological relations] // Istorija i istoricheskaja pamjat' [History and historical memory]. — 2010. — №1. — Pp. 20–30.

18. *Gigauri D. I., Gutorov V. A.* Politicheskij mif v strukture istoricheskoi pamjati [Political myth in the structure of historical memory] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. Politicheskie nauki [Bulletin of the Moscow University. Ser. Political science]. — 2017. — №2. — Pp. 24–45.

19. *Anikin D. A.* Strategii politiki pamjati na postimperskom prostranstve [Strategies of memory policy in the post-Imperial space] // Izvestija Saratovskogo universiteta. Ser. Filosofija. Psihologija. Pedagogika [News of Saratov University. Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy]. Issue 2. — 2012. — Vol. 12. — Pp. 34–38.

20. *Djukov A.* Ni odno obshhestvo v mire ne mozhet obojti's bez svoej politiki pamjati [No society in the world can do without its memory policy] [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://www.liberty.ru/Themes/Aleksandr-Djukov->

Ni-odno-obschestvo-vmirene-mozhet-obojsit-sbez-svoej-politiki-pamyati. (Date accessed: 30.08.2020).

21. *Linchenko A. A.* Politika pamjati kak faktor social'nyh transformacij [Memory Policy as a factor of social transformations] // *Studia Humanitatis*. — 2016. — №4. — P. 24.

22. *Malinova O. Ju.* Politika pamjati kak oblast' simvolicheskoj politiki [Memory Politics as a field of symbolic politics] // *Metodologicheskie voprosy izuchenija politiki pamjati* [Methodological issues of studying memory policy] / In Miller A. I., Efremenko D. V. (ed.). — Moscow—Saint-Petersburg: Nestor-Istorija, 2018. — 224 p.

23. *Miller A. I.* Istorija imperii i politika pamjati [History of the Empire and politics of memory] // *Nasledie imperij i budushhee Rossii* [Legacy of empires and the future of Russia]. — In A. I. Miller (ed.). — Moscow: Liberal'naja imperija, 2008. — Pp. 25–58.

24. *Art D.* The politics of the Nazi past in Germany and Austria. — Cambridge University Press, 2005.

25. *Connerton P.* The spirit of mourning: history, memory and the body. — Cambridge University Press, 2011.

26. *Miller A.* Istoricheskaja politika v Vostochnoj Evrope nachala XXI v. [Historical politics in Eastern Europe at the beginning of the XXI centu-

ry] // *Istoricheskaja politika v XXI veke* [Historical politics in the XXI century]. — Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. — Pp. 7–32.

27. *Vodenko K. V., Chernykh S. S., Ustimenko D. L., Ustimenko A. L.* Politics of Memory as a Tool of Civic Culture Formation: The Russian Specifics and Regional Aspects // *Journal of History Culture and Art Research*. — 2020. — Vol. 9 (2). — Pp. 175–183.

28. *Ponomareva A. M.* Istoricheskaja pamjat' i istoricheskaja politika [Historical memory and historical policy] // *Rossijskaja istorija* [Russian history]. — 2018. — №5. — Pp. 6–14.

29. *Poceluev S. P.* Simvolicheskaja politika: konstelljacija ponjatij dlja podhoda k probleme [Symbolic politics: a constellation of concepts for an approach to the problem] // *Politicheskie issledovanija* [Political research]. — 1999. — №5. — P. 62.

30. *Linchenko A. A., Anikin D. A.* Massovoe istoricheskoe soznanie i gosudarstvennaja politika pamjati v Rossijskoj Federacii: aktual'nost' mifologii? [Mass historical consciousness and state policy of memory in the Russian Federation: relevance of mythology?] // *Vestnik Tverskogo universiteta. Serija: Filosofija* [Bulletin of the Tver University. Series: Philosophy]. — 2015. — №4. — Pp. 95–106.

Поступила в редакцию

11 августа 2020 г.

Воденко Константин Викторович — доктор философских наук, профессор кафедры «Управление персоналом» ЮРГТУ (НПИ).

Vodenko Konstantin Victorovich — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department «Personnel Management», Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346528, Novocherkassk, Russia
E-mail: vodenkok@mail.ru